

Отрывок путешествия в*** И*** Т***⁹

Глава XIV

<...> По выезде моем из сего города, я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали; но в три дни сего путешествия ничего не нашел я похвалы достойного.

⁹ «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» впервые опубликован в журнале «Живописец» (1772. Ч. 1).

Бедность и рабство повсюду встречались со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какие помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие покрытые соломой хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие адоньи хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель, любовь ко ближнему ты употребляешь во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъясляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ; истина пером руководствует!

Деревня *Раззоренная* поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломой. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостию их господина! Избы или, лучше сказать, бедные развалившиеся хижины представляют взору путешественника оставленное человеками селение. Улица покрыта грязью, тиной и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача, я не

видал ни одного человека. День тогда был жаркий; я ехал в открытой коляске; пыль и жар столько беспокоили меня дорогою, что я спешил войти в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться. Извозчик мой остановился у ворот одного бедного дворишка, сказывая, что это был лучший во всей деревне; и что хозяин оного зажиточнее был всех прочих, потому что имел он корову. Мы стучались у ворот очень долго; нам их не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаем, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчик вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их. Коляска моя ввезена была на грязный двор, намощенной соломой, ежели оною наместить можно грязное и болотное место, а я вошел в избу растворенными настежь дверями. Заразительный дух ото всякой нечистоты, чрезвычайный жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуда меня выгоняли; а вопль трех оставленных младенцев удерживал во оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что У одного упал сосок с молоком; я его поправил и он успокоился. Другого нашел, обернувшегося лицом к подушонке из самой толстой холстины, набитой соломой; я тотчас его оборотил, и увидел, что без скорой помощи, лишился бы он жизни: ибо он не только что посинел, но и, почернев, был уже в руках смерти: скоро и этот успокоился. Подошел к третьему, увидел, что он был распеленан, множество мух покрывали лицо его и тело и немилосердно мучили сего ребенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и этому услугу, согнал всех

мух, спеленал его другими хотя нечистыми, но однакож сухими пеленками, которые в избе тогда развешаны были; поправил солому, которую он, барахтаясь, ногами взбил: замолчал и етот. Смотря на сих младенцев, и входя в бедность состояния сих людей, вскричал я: жестокосердый тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойство! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги: приносит ли он о том жалобы? — Нет: он спокойно взирает на свои оковы. Чего же требует он? — Необходимо нужного только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третий вопиял к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, сказал я, проливая слезы, произносите жалобы свои! наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве: когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих озаряющее: призри на сих несчастных!

Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжкой запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оной. Пришед к своей коляске, упал я без чувства во оную. Приключившейся мне обморок был не продолжителен: я опомнился, спрашивал холодной воды; извозчик мой ее принес из колодезя, но я не мог пить ее по причине худого запаха. Я требовал чистой; но в ответ услышал, что во всей деревне лучше этой воды нет; и то все крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помещики сказал я, вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!

Я спрашивал, где хозяева того дома: извозчик отвечал, что все крестьяне и крестьянки в поле; прибавя к тому, что когда был я в избе, то выходил он в

то время за задние ворота посмотреть, не найдет ли там кого-нибудь из крестьян; что нашел он там одного спрятавшегося мальчика, который ему сказал, что, увидев издалека пыль от моей коляски, подумали они, что ето едет их барин, и для того от страха разбежались. Они скоро придут, сказал извозчик; я их уверил, что мы проезжие, что ты боярин доброй, что ты не дерешься, и что ты пожалуешь им на лапти. Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках; и столь были дики и застращены именем барина, что боялись подойти к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая: *не бойтесь, он вас не убьет, он боярин доброй, он пожалует вам на лапти.* Робятишки, подведены будучи близко к моей коляске, вдруг все побежали назад крича: *ай! ай! ай! берите все что есть, только не бейте нас!* Извозчик, схватя одного из них спрашивал, чего они испужались. Мальчишка тресучись от страха говорил: *да! чего испужались... ты нас обманул... на етом барине красный кафтан... ето никак наш барин... он нас засечет.* Вот плоды жестокости и страха: о вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того нещастия, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей! Не бойся, друг мой, сказал я испужанному красным кафтаном мальчику, я не ваш барин, подойди ко мне, я тебе дам денег. Мальчик оставил страх, подошел ко мне, взял деньги, поклонился в ноги, и оборотясь кричал другим: *ступайте сюда, ребята, ето не наш барин, ето барин доброй; он дает деньги и не дерется!* Робятишки тотчас все ко мне прибежали: я дал каждому по несколько денег и по пирожку, которые со мною были. Они все кричали: *у меня деньги! у меня пирог!*

<...> Между тем солнце, совершив свое течение, погружалось в бездну вод, дневной жар переменялся в прохладность, птицы согласным своим пением начали воспевать приятность ночи и сама природа призывала всех от трудов к покою.<...> А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали.

Вошед на двор и увидев меня в коляске, все они поклонились в землю, а старший из них говорил: не прогневайся, господин добрый, что нас никого не прилучилось дома. Мы все, родимой, были в поле: царь небесный дал нам вёдро и мы торопимся убрать жниво, покуда дожжи не захватили. По сиось день господень всио таки у нас, родимой, погода стоит добрая и мы почти со всем господским хлебом управились: авось таки милосливой Спас подержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебишком управимся. У нашева боярина такое, родимой, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда его боярский убираем, а с своим то де, *изволит баять*, вы поскорее уберетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, ведь мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожжи, так хлеб от наш и пропадает. Дай ему бог здоровья! Мы на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы: а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили, как в раю. — Подите, друзья мои, сказал я им, отдыхайте: взавтра воскресенье и вы, конечно, на работу не пойдете, так мы поговорим побольше. — И, родимой, сказал крестьянин, как не работать в воскресенье! Помолясь богу, не што же делать нам, как не за работу приниматься, кабы да по всем праздникам нашему брату гулять, так некогда и работать было? Ведь мы, родимой,

не господа, чтобы и нам гулять, полно того, что и они гуляют. — После чего крестьяне пошли, а я остался во своей коляске и, рассуждая о их состоянии, столь углубился в размышления, что не мог заснуть прежде двух часов по полуночи.

На другой день, поговоря с хозяином*, я отправился во свой путь, горя нетерпеливостью увидеть жителей *Благополучных деревни*; хозяин мой столько наскзал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.

*Сатирические журналы Н.И. Новикова. С. 295—297,
330—332.*